

Уолд Бейкер
Тайна послания незнакомки

Исторический детективный роман. Часть 2

Уолд Бейкер

**Тайна послания
незнакомки. Исторический
детективный роман. Часть 2**

«Издательские решения»

Бейкер У.

Тайна послания незнакомки. Исторический детективный роман.
Часть 2 / У. Бейкер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902689-7

Вторая часть. Главные герои романа приближаются к разгадке. Он едет во Францию, где находит нечто ужасное. Возвратившись в Англию, попадает в переделку со стрельбой. События развиваются стремительно. Наступает неожиданная развязка. Тайна раскрыта.

ISBN 978-5-44-902689-7

© Бейкер У.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Тайна послания незнакомки Исторический детективный роман. Часть 2

Уолд Бейкер

© Уолд Бейкер, 2018

ISBN 978-5-4490-2689-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Мортон написал письмо Эразму Химплу, члену КА, но ответа пока не получил. Таис Мельбур по своей инициативе, сходила в читальный зал Королевской библиотеки и принесла оттуда то, что можно было прочесть в доступных источниках о Фрэнсисе Уэнзли, о том художнике, который оставил залог за миниатюру Грейгарс. Уэнзли, бывший всего на несколько лет моложе Мортон, оказался самым последним в списке незначительных художников австрийского происхождения, которые иммигрировали в Англию, чтобы не оказаться под оккупацией Наполеона. Его текущее амплуа, как написано в статье «Наши современные художники» в «Пирсонс»¹, светский портретист и пейзажист, специализирующийся на сельских домиках.

– Похоже, он может нарисовать для тебя и твою жену, и твоё сельское местечко,

– сказал Мортон Фрэнку. – Ну, и тебя самого, если захочешь.

– Может он даёт скидки за количество, ну, как эти страховые агенты – «Семейные тарифы – наша специализация».

Мортон собирался выйти из дома, рабочий день закончился. Его сознание воспринимало окружающее туманно. Он подумал, что если вскоре не закончит этот треклятый роман, ему придётся сделать передышку. Но Фрэнку он этого не сказал; тому нравилось, когда его работодатель был занят зарабатыванием денег. Мортон спросил:

– Как ваш киносектор?

– Мы сейчас проводим то, что называют «кастингом». Театральный термин. Мой приятель, тот, который владеет камерой, работал на Дан Ленно², это он называет это кастингом – поиски чего-нибудь нужного. Типа, ловли шуки на блесну. Думаем пригласить Коэна на роль бура.

– Как горничная?

Фрэнк начал громыхать чем-то. – Вообразила из себя и многого хочет. Чтобы её молодой человек был солдатом. Говорит, что ни с кем другим целоваться не будет. Её молодой человек немного похож на крысу и габаритов ребёнка, только что выросшего из штанишек. Я ей сказал, если не прекратит это, то вместо неё найму горничную из соседнего дома, а та ей злейший враг. Он покачал головой. – Да, это не будет прогулкой в парке, как я раньше полагал. Уходите?»

– Поговорить с художником по имени Уэнзли. Отправил ему письмо; он, по крайней мере, ответил.

– Звучит чудно. В поисках рыцарства, как говорят.

– Кто это так говорит.

– Болтовня в «В светских сплетнях». Была колонка такая в новом журнале, который редактирует Фрэнк Харрис. Весьма странное для Фрэнка чтение, – подумал Мортон.

– Перенимаешь от меня самое лучшее.

Уэнзли, конечно же, не был художником типа Огастеса Джона. Он жил на Мелбери Роуд в Кенсингтоне – художественное окружение покойного президента Королевской академии, лорда Лейтона, как это представил Пирсонс, но у него была студия в Сент-Джонс Вуд³, который некогда был владением мистера Бурка. Это ничего не говорило Мортону, но, попав туда, он понял: это была студия для художника, который хотел жить как биржевой маклер.

Уэнзли уже был там, скорее всего, уже ждал. Он не работал – на нём не было блузы, следов краски на нём и палитра была пуста. На нём был просторный пиджак и жилет, несколько светловатый оттенок для бежевых брюк, высокий воротничок – в целом, этакий вид щегольского военного офицера в штатском. Аккуратно и коротко постриженный усы и борода создавали впечатление, что он только-только встал из кресла полкового парикмахера, который, видимо, до сих пор вытряхивает где-то свою простынку.

Дверь открыл дворецкий, который препроводил Мортон к зданию в стиле королевы Анны⁴, и затем на второй этаж в студию размером с железнодорожный вокзал провинциального городка. Потолок на высоте в три его роста, пол покрывали ковры; камин с готической облицовкой, такого размера, что в нём поместился бы кэб, занимал часть одной стены; повсюду стояли мягкие кресла. На столе с мраморным верхом, за которым могли бы сесть человек двенадцать, были разложены принадлежности художника, как бы подтверждающая тот факт, что сам живописец где-то здесь. Рядом со столом стоял мольберт высотой три метра, на котором был натянут холст, где-то 180 x 120 см, с изображением на нём двух молодых девушек и собаки. Сам художник стоял перед этим холстом, будто готовился его защищать.

– Я Мортон.

– Да, да. Вы писали мне о встрече.

В действительности Мортон отправил ему свою визитную карточку, на оборотной стороне которой карандашом написал: «Касательно Кэтрин Джонсон»; Уэнзли прислал ему записку, в которой предлагалось встретиться в его студии, а не дома.

– Ваш дом и ваша студия в разных местах?

– Мне нужно, чтобы меня не отвлекали. Уэнзли выдохнул и втянул живот, который он поддерживал; теперь это был вполне приятный человек с вялым, пухлым и плотно набитым животом – никак не монашествующий художник. Мортон произнёс:

– Кэтрин Джонсон.

– Да, это было написано на вашей карточке.

– Вы знаете это имя?

– Ну, да. Она была у меня натурщицей раз или два. У неё была интересная внешность.

– Она исчезла.

– А-а. О-о. Казалось, он не был уверен – удивляться ему или нет. – Да.

– Вы знали, что она исчезла?

– Слышал что-то.

– Где?

– А почему вы спрашиваете?

Мортон изучал лицо человека. Нос по краям и вокруг глаз – явно говорили о том, что он мог легко расплакаться. Присутствовал и оттенок страха. Мортон спросил:

– Каковы были ваши отношения с Кэтрин Джонсон?

– Не было никаких отношений! Что за неуместный вопрос! – Уэнзли попытался выпрямиться, чтобы снова принять военную позу, но роста он был на несколько дюймов ниже Мортон. – К чему вы клоните, сэр?

– Перед тем, как она исчезла, Кэтрин Джонсон написала мне письмо. Она писала, что боится кого-то.

Уэнзли залился краской. – Я был сама доброта с этой девушкой. Когда я встречался с ней, а это было всего – два или три раза.

Мортон оглядел студию. – Да, укромное местечко. Очень укромное. Он повернулся к художнику спиной. – Она приходила сюда?

– Я работаю здесь!

– Вы оставили залог за картину в салоне Геддиса в Берлингтонском пассаже. Там, где работала Кэтрин Джонсон.

– И что это может означать?

– А затем отказались и от картины, и от залога – сразу после того, как она исчезла. Почему вы это сделали, мистер Уэнзли?

Уэнзли начал снова втягивать свой живот и тут же отказался от этой затеи. Тем не менее, ему удавалось выглядеть решительным. – У меня есть работа. Вам придётся удалиться.

– Мисс Джонсон позировала вам нагой?

И раздался сиплый глас:

– Свидетельство невежества; мало найдётся настоящих художников, которым нужны нагие натурщицы. Нет, она не позировала нагой. То, что вы предполагаете, звучит как порочащее предположение.

– Думаю, клеветнически. Мортон взял одну из кистей и провёл большим пальцем по щетинкам.

– Это очень дорогая кисть!

– Мортон положил её на место и облокотился на мраморный стол.

– Вы не спрашиваете, кто я и чем занимаюсь, мистер Уэнзли, из чего я заключаю, что вы это знаете. Кэтрин Джонсон упоминала моё имя?

Уэнзли начал что-то говорить, замялся. – Может, она что-то и говорила. Тогда ваши статьи о путешествии были очень популярны. Он имел в виду статьи о приключениях на автомашине, которые Мортон собрал в книгу.

– Бывший Американский хранитель закона.

– Полагаю, такая у вас репутация. Я действительно не вижу, чем это может помочь.

– Значит, если вы видели, что Кэтрин Джонсон написала мне, прося помощи, вы должны были знать, что это было для неё серьёзно.

– Ну, да. И какое все это имеет значение? Вы должны уйти, серьёзно!

Мортон подошёл и встал очень близко к нему. – Её письмо в конверте, адресованное мне, было сзади на той картине, которую вы собирались купить. Нет никакого сомнения, что она сама положила его туда. И я вижу только одну причину, по которой она это сделала, мистер Уэнзли. Она хотела, чтобы вы его нашли.

– Это сумасшествие.

– Вы знали моё имя; вы, однозначно, прочли, что она боялась, что кто-то собирается причинить ей зло; вы знали, что это для неё было серьёзно. Это было предупреждение.

– Но я его не находил! Я никогда не находил это чёртово письмо!

– Вы собирались причинить ей зло, мистер Уэнзли?

– Конечно же, нет!

– Ваши отношения дошли до определённого момента, мистер Уэнзли? Помимо вашей воли? Вы целовали её?

– Это мерзко! Уэнзли подошёл к шнуру колокольчика, который находился рядом с огромным камином; судя по размерам, его можно было бы использовать для перезвона колоколов на кафедральном соборе.

Мортон отчётливо произнёс:

– Полиция извещена о её исчезновении. И замолчал на мгновение; Уэнзли тоже замолчал. – Думаю, вам лучше поговорить со мной, чем с детективом сержантом Гилламом. Он конченный ублюдок.

Сейчас Уэнзли как никогда выглядел готовым расплакаться, но он оказался твёрже, чем выглядел. Он сказал раздражительно:

– Если вы не уйдёте, я прикажу вышвырнуть вас.

– Вы и тот дворецкий не сможете вышвырнуть меня. Мортон скрестил руки.

– Итак, или я, или полиция. Он прошёлся по студии, чтобы посмотреть на портрет двух молодых девушек, и, обращаясь скорее к ним, нежели к Уэнзли, спросил: – Вы целовали ее? Было ли что-то ещё большее, – скажем, прикосновения?

– Убирайтесь!

– Уэнзли, вы не получите рыцарского звания, если будете лгать мне. Так, вы касались ее или не касались?

– Между нами ничего не было!

– Думаю, что было. Вы её точно целовали. И было нечто большее – она не останавливала вас – она для вас не раздевалась, но она кое-что делала – своими руками, да, Уэнзли? Или ртом?

– Прекратите это немедленно! Это отвратительно!

– Вы могли бы привлечь меня к суду. Но, не думаю, что вы это сделаете. Думаю, эти вещи случились и тогда... Мортон видел, как это происходило. Он знал, как это происходит. С ним это уже происходило, давным-давно. – И тогда вы стали несколько грубым. И начали запугивать её.

Уэнзли стоял красный как рак. Он отошёл от шнура и, возможно бессознательно, взял муштабель, палочку с шариком на конце, чтобы поддерживать рисующую руку, когда нужно было выписывать тонкие детали. Он был мало похож на оружие, но это убедило Мортон в том, что он попал в точку. И он также понял, что Уэнзли способен запугать женщину, даже при всей своей мягкости и очевидной слабости. Он был высокомерным, а чувство разочарования и неудовлетворённости разозлило его – мощное сочетание. Равным образом, Уэнзли мог и причинить зло маленькой женщине. – Вы запугивали её, Уэнзли.

– Я ничего подобного не делал.

– И она написала записку, чтобы вы её нашли, но я верю, что вы так её и не нашли – или вы её уничтожили. Но она исчезла, и вы узнали, что она ушла – или, может, просто не вернулась, не пришла в назначенное время – и тогда уже вы испугались. Вы захотели стереть ваши с ней отношения. И вы никогда больше не приходили к Геддису. Вы написали, что картина вас больше не интересует. И позволили ему оставить себе залог.

Уэнзли постукивал муштабелем по бедру, затем неожиданно бросил его в сторону мраморного стола; он ударился об него, отскочил рикошетом и со стуком упал на ковёр.

Мортон продолжал давить на него. – Что там было очень важного с той картиной?

– Я решил, что она мне не нравится.

– Да, нет, нечто большее. Что? Он ждал ответа. Потом произнёс: – Я действительно не хочу привлекать к этому полицию, Уэнзли. Они не будут заниматься её исчезновением, если только я не стану их к этому побуждать. Они люди занятые; у них есть дела намного поважнее. Да, и исчезла она уже давно. Но, если я всё это им расскажу, они придут, чтобы допросить вас. Вы хотите, чтобы в дешёвых газетёнках появилось, скажем, вот что: «Известного художника допрашивали в связи с исчезновением девушки?». Он подождал и добавил. – А ваша жена хочет этого?

– Ну, и дерьмо же вы!

– Что значила для неё миниатюра Грейгарс?

Уэнзли плюхнулся в одно из кресел. – Она хотела её. Я сказал, что куплю её для неё.

– Подарок?

Уэнзли кивнул.

– Такой маленький красивый подарок для кого-то, кто пару раз позировал?

Уэнзли махнул рукой. Он уронил голову на пальцы другой руки, опиравшейся на резной подлокотник кресла. – Она была жадной маленькой штучкой. Я давал ей деньги – небольшие суммы. Я... я не хотел, чтобы она ушла без них.

– Вы подкупали её, но так её и не заполучили.

Уэнзли покачал головой, не отрывая её от руки. – Она была очаровательна. Наивная, но.... Он снова покачал головой.

– Она вас шантажировала?

Уэнзли фыркнул. – Не произошло ничего, чтобы из-за этого можно было меня шантажировать! Говорю вам, всё было так невинно! Я только хотел дарить ей вещи. Чтобы доставить ей удовольствие. Потом, когда она не пришла в оговорённый день, я подумал – может, это и к лучшему. Прекратить с ней встречаться – больше её не нанимать. Если рассматривать в этом свете, то дарить ей картину, было бы ошибкой. И я написал Геддису.

– Она не пришла в оговорённый день для позирования?

Уэнзли кивнул.

– Но ей нужны были деньги?

– Она всегда хотела денег. Она была жадной. Но наивной. Как ребёнок.

– И поскольку она не пришла в назначенный срок, вы решили, что она ушла?

Уэнзли обхватил лицо руками. – Она приходила каждый вторник и четверг. Не появилась в оба дня. Тогда я призадумался – я ждал её и следующую неделю.

– Вам не приходило в голову, что с ней что-то могло случиться?

Лицо Уэнзли, всё ещё в руках, ходило туда-сюда. Он произнёс, почти простонал:

– Я был рад, что она ушла, как вы не понимаете?

Мортон подождал. Большого он не узнает. Он подумал, что верит Уэнзли. Мужчина выглядел покорным, измученным. Своим признанием или безрассудной страстью, которая за этим стояла? Новый взгляд на Кэтрин Джонсон – наивность, обладавшая силой заставить такого человека как Уэнзли рисковать падением. Та же наивность, которая, очевидно, и Геддиса свела с ума.

Мортон сказал, что-то, что было произнесено, останется между ними и вышел, а Уэнзли так и остался сидеть, обхватив лицо руками и глядя в никуда.

– Но здесь что-то не вяжется, Мортон. Почему она исчезла, если так хотела ту картину? Случилось нечто более важное. Я считаю, что то, что она положила свое письмо в рамку сзади картины было предупреждение ему. Но тогда это должно означать, что она действительно надеялась, что он купит картину, заберёт ее и повернёт, или его слуга повернёт, и тогда письмо будет найдено. А потом он передаст картину ей.

Из чувства вины, если ничего другого не случилось. Думаю, она не хотела прекращать все, написав это письмо. Просто предостеречь его. Затем он передаёт ей картину, он предупреждён и будет вести себя прилично. Может ещё что-то там – например, она сама собиралась доставить картину ему, чтобы убедиться, что письмо найдено. Главное вот в чём, я не думаю, что Уэнзли несёт ответственность за её исчезновение. Я ему верю. Этому типу, который готов ударить женщину, но не убить её?

Они сидели в её любимом дешевом кафе в магазинчике компании, выпускающей разрыхленный хлеб, в районе Олдгейт. Она прощалась со своей прежней работой; она пригласила на чай двух женщин, которые с ней работали и собиралась потом на ужин в отель с преуспевающими мужчиной и женщиной, которые субсидировали Общество.

– Они дают тебе рекомендательное письмо? – спросил он.

– Если самое худшее, что люди делают, Мортон, это желают добра, я не буду слишком уж несчастлива. То, что я сделала за последние десять лет, не так уж много, но Общество, по крайней мере, старается. Лучше пытаться, чем нечего не делать.

Он пожал плечами. Как бы то ни было, похоже, Уэнзли – это тупик. Он был по-настоящему напуган, может, даже самим собой. Как человек, который, обнаружив, что ему нравится выпивать, вдруг понял, что это, сидящее в нём желание, погубит его.

Он не называл это любовью? Большинство мужчин это делают.

Как только она ушла и у него оказалось несколько дней всё это обдумать, он понял, – хорошо, что он от этого освободился. Я, должно быть, появился как призрак на банкете. Он ещё несколько недель будет дрожать как осиновый лист.

– Но это завершает дело Кэтрин Джонсон. Теперь ты знаешь, почему она написала письмо, и ты сделал все, что смог – сам с собою рассуждал Мортон.

– Мне по-прежнему хочется поговорить с Химлом из КА. Насколько нам это сегодня известно, Кэтрин Джонсон все ещё не найдена, а Химпл знал её. И все-таки я не верю до конца Уэнзли.

Он покачал головой. – Я поверил ему. Давай посмотрим, что нам скажет этот академик Химпл. Я так и не получил от него ответа – может, члены КА не отвечают на письма простых авторов, – что ж, давай посмотрим, что произойдёт, если я просто навещу его.

Глава 2

Эразм Химпл, член КА, жил в Челси⁵, не считавшемся в тот момент каким-то особенным артистическим районом, да и сам Химпл, как бы выразился Огастес Джон, ничего особенного как художник собой не представлял. Мортону нравился Челси, но жить там он не хотел. Ему нравилось гулять по его маленьким улочкам и его набережной, хотя, как ему сказали, место это сильно отличалось от «деревеньки с маленькими домиками, окружёнными розами», как в своё время его описывал Стендаль и некоторые другие известные люди. В одном из журналов по искусству, упоминалось, что Химпл высказывался о том, что «ему нравится жить там, где бывал его великий тёзка Эразм⁶», где творили великие художники – предположительно Хольбейн и Тернер, если понимать «великие» буквально, и менее великие – Росситти и Уистлер⁷. Как бы то ни было, именно в Челси переехал Химпл, оставив Мелбери Роуд и удалённые уголки Кенсингтона.

Дом оказался весьма небольшим, сразу за углом «Церкви Всех Святых». Мортон подошёл к нему со стороны Эмбанкмент, остановившись посмотреть на реку – он всё ещё не отказывался от мысли поплавать по ней на байдарке, хотя реальностью это пока не стало, и на подвесной мост. Он попытался представить себе реку без Эмбанкмент, илистый, подтапливаемый приливами берег, то там, то здесь ступеньки к воде, но целостной картинкой характерной деревни, где сейчас располагалась столь доступная часть Лондона, не получалось. Его сознание всё ещё всецело было занято почти завершённой книгой. Внутри было знакомое чувство приближения финиша, почти ожидание следующего за этим умственного и психического спада.

У него не было особого желания наведаться к Эразму Химплу. Стоял хмурый холодный день, хотя его немного приободрило кружение над рекой утки, которая плюхнулась в воду прямо перед ним. Небо над головой было чугунного цвета и лишь вдаль к западу виднелось бледно-медное солнце, на фоне которого возвышались голые и гладкие деревья. В воздухе пахло рекой и копотью; его дыхание рассеивалось и растворялось в нём паром.

– Мистер Мортон хотел бы встретиться с мистером Химплом, если ему будет позволено, – произнёс он и протянул свою визитную карточку. После посещения Уэнзли он ожидал увидеть то же законсервированное великолепие, то же артистическое нуворишество, но дом оказался размером со сдвоенный коттедж, дверь в который открыла женщина средних лет, скорее, домохозяйка, нежели прислуга. В ней была какая-то строгая простота, присущая домохозяйке пожилого ирландского пастора, посвятившей себя сохранению его, нежели собственного, безбрачия; на ней было всё чёрное, головной убор был похож на домашний чепец, только кружевной. У неё были колючие густые брови и нос почти такой же большой, как у Мортон, разве что ноздри были более волосатые.

Не глядя на его карточку, она сказала:

– Мистер Химпл в отъезде.

– Вот так. После того, что сказал ему Джемс, это его не удивило. Его волновало то, что Химпл отсутствовал так долго. – Он скоро вернётся?

После этих слов она воспользовалась очками в стальной оправе, висевшими на шнурке, чтобы прочесть его визитку. – Вы по поводу того, чтобы нарисовать ваш портрет, мистер Мортон? У неё был глубокий, почти мужеподобный, голос.

– Я написал письмо. По поводу одной молодой особы, которая, похоже, исчезла. Я думаю, она была натурщицей мистера Химпла – для картины про Лазаря. Он стоял в некой неопределённости, произнося слова отрывочно. – Я сообщил об этом в полицию. И вот только что узнал о мистере Химпле. О том, что она была его моделью. Я подумал... Он не успел сказать, о чём он подумал.

– О, да, конечно. Она осмотрела его снизу доверху. Очень хорошо, что Фрэнк настоял на том, чтобы он в этот раз оделся как истинный джентльмен. – Заходите, пожалуйста. Но в голосе её не было ни оттенка гостеприимства.

Она провела его в заднюю часть дома через главный холл, где на стенах висели картины, не Химпла, подумал он (они показались ему старше самого Химпла), и остановилась у открытой двери, левой рукой предложила войти, как бы говоря, – Если уж вы здесь по делу, заходите в эту комнату. За дверью оказалась комната, её можно было бы назвать гостиной этой дамы, такой же строгой, как и она сама, на стенах чёрно-белые гравюры вместо картин, на драпированном столе лежала открытая Библия.

Она не предложила ему снять пальто. Наконец, представилась как миссис Эванс. Потом она села, он тоже, стул безжалостно закрипел. Он рассказал ей уже не раз произнесённую историю о Кэтрин Джонсон, сократив её прилично, стараясь не звучать как гид, в тысячный раз пропевающий детали трёхразрядного чуда. Он показал одну из копий рисунка Кэтрин Джонсон. – Полагаю, этот рисунок нарисовал мистер Химпл. Вы его узнаете?

У неё был такой же зоркий взгляд, как и у Огастеса Джона. – Вот этот маленький в углу похож на Лазаря.

– Да. Он сделал паузу. – А лицо этой женщины вам знакомо?

– Студия мистера Химпла через дорогу.

Ему потребовалось мгновение, чтобы понять, что это значит. Т.е. его моделей вы не видите?

– Я не любопытствую о делах своего работодателя.

– Я не имел в виду даже предположить это. Я просто подумал, может вы её видели.

Она вернула рисунок. Мортон подождал, но ничего не произошло. Тогда он спросил:

– Когда возвращается мистер Химпл?

– Мистер Химпл уехал за границу.

– Ага. И надолго?

– Уверена, что не знаю этого. Его приготовления соответствовали тому, что он собирался позволить себе длительное путешествие. Наверное, самым лучшим для вас будет написать ему. Или нет.

– Я уже это сделал. Могу я узнать, когда он уехал?

– Какое-то время назад.

– Когда?

Ей очень нравилось быть собакой на сене, что касалось информации. И никакой благопристойностью выманить её отсюда было невозможно. Мортон приложил все усилия, постарался, как мог, и уже изменившимся голосом показал ей, что может быть таким же твёрдым, как и она. С неохотой она предположила, что уехал какое-то время назад, потом допустила, что это было в августе, и, наконец, сообщила, что это было 9-го августа.

На следующий день после того, как Кэтрин Джонсон обратилась к нему с просьбой о помощи. Мортон почувствовал, что выходит из своего пред финишного оцепенения.

– Он уехал один?

Она тут же выпрямилась:

– Что он имеет в виду? Что он там предполагает? Ей придётся просить его удалиться, если он не оставит свои инсинуации.

Мортон снова показал рисунок. Она громко произнесла, – вряд ли бы он поехал с юной леди!

– А он вообще уехал с кем-то?

– Конечно, со своим слугой. Она посмотрела на рисунок, затем перевела взгляд за окно, и уже другим голосом сказала, впервые предполагавшим, что она этого не одобряет? Или это была какая-то личная обида? – С мужчиной. Я имею в виду, со слугой.

Мортону пришлось это хорошенько и быстренько обдумать – со своим слугой, но как бы в то же время не своим слугой, с мужчиной, и затем он спросил:

– Не со своим обычным слугой?

Не глядя на него, оскорблённым голосом она проговорила. – Ему нужен был кто-то, кто говорит по-французски.

– А его обычный слуга не говорит по-французски?

– Браун не говорит по-французски.

– Браун – это его обычный слуга? Можно мне поговорить с Брауном?

– Браун живёт на Странде. Он приходит раз в неделю присмотреть за студией и заняться портретами. Мортон не имел ни малейшего представления, что бы это значило; но значения это не имело. Она добавила, – Мистер Химпл договорился с Брауном на время своего отсутствия – пока не вернётся. Она снова посмотрела на рисунок. Выражение её лица стало ещё суровее.

– Вы не одобряете того, что он взял с собой нового слугу?

– Не моё это дело одобрять решения своего работодателя.

– Думаю, это потому, что вам не нравился этот новый человек.

– Я его едва знаю. Она снова посмотрела на рисунок.

– Вы, ведь, узнаете рисунок, так?

Она вернула его. Конец бумаги вибрировал; это дрожала её рука. Посмотрев снова на неё, Мортон почувствовал неожиданную симпатию, увидел мельком её жизнь, наполненную уединением, а может, и одиночеством. Он спросил:

– Этот новый слуга, он похож на лицо женщины, изображённой на рисунке?

Она предельно выпрямилась. – Полагаю, что, по крайней мере, он похож на лицо в уголке.

– Лазарь.

Она сидела молча. Её голова немного подрагивала; а, может, он ошибался. Он спросил: – А вы видели саму картину?

– Мистер Химпл любезно пригласил меня в студию посмотреть на неё, перед тем как она отправилась в Академию.

– Как вы думаете, этот «новый слуга» и был моделью для Лазаря?

– Когда я увидела картину, то подумала, – может так и есть. Но это не моё дело. Она посмотрела на него и добавила. – И не ваше, сэр.

– Я думаю, что человек, который позировал для Лазаря, может быть братом той пропавшей девушки. И он может знать, где она сейчас. Миссис Эванс, это очень важно. Мне нужно связаться с этим молодым человеком.

– Думаю, вы могли бы написать ему письмо.

– А где они?

Она облизала свои тонкие тёмные губы. – Браун – обычный слуга мистера Химпла – на связи с ним. Если мне нужно что-то сообщить о доме, я делаю это через Брауна. Она разгладила своё платье; её пальцы потянули на себя небольшой кусочек ткани, так будто она что-то на нём увидела. – Сначала у меня был его адрес, но и то это был адрес до востребования. Они уже давно оттуда переехали, так говорит Браун. По одному её тону, она чётко дала понять, что домохозяйке не следует связываться со своим работодателем через слугу.

– И куда?

– Я вам уже сказала, я не знаю! И как бы сожалея о своей резкости, она добавила, – Первый месяц они провели за рисованием во Франции, в деревеньке Хинон. Это в Нормандии. Предполагалось, что лето они проведут там, но он передумал. Весьма неиспорченное местечко, как выразился мистер Химпл. Именно поэтому ему был нужен франкоговорящий. Но они двинулись дальше. Выражение её лица изменилось, на нем появился оттенок злобного удовольствия. – Наверное, оно было слишком неиспорченное.

– А этот новый слуга, тоже переехал с ним?

– Полагаю, что да. Хотя – по её губам пробежало выражение злой улыбки. – Браун говорил, что мистер Химпл уволил его.

– А почему?

– Не имею представления.

– А когда это случилось?

– Не помню. В конце лета, наверное.

– Тогда писать ему для передачи через мистера Химпла не имеет смысла.

– Полагаю, что да.

Мортон разозлился на неё, попробовал взглянуть на ситуацию её глазами. Сначала она пыталась обмануть его со своей идеей написать «новому человеку». Она просто хотела избавиться от него – Кэтрин Джонсон для неё ничего не значила; и почему она должна беспокоиться, чтобы помочь ему? Она хотела, чтобы он ушёл, оставил её наедине со своим уединением и одиночеством. – Но вы уверены, что не видели изображённую на рисунке молодую женщину.

– Конечно, абсолютно уверена.

– Но мистер Химпл рисовал её.

– Я не знаю, делал ли он это. Может, и рисовал. Она смотрела в сторону двери, в сторону каменных часов на каминной доске.

– А этот «новый человек» был англичанином?

– Конечно же.

– Тогда вы слышали, как он разговаривает.

Она сжала губы. – Раз или два.

– А как звучала его речь – как человека образованного? Или грубого, неделикатного?

– Он разговаривал, как представитель своего класса.

– Говорящего при этом по-французски.

– Так утверждал мистер Химпл. Если бы он это не сказал, я бы не знала. Меня иностранные штучки не волнуют.

Она не знала имени нового человека – ему надо будет спросить об этом Брауна. Он спросил, можно ли будет заглянуть в студию, на что она ответила, что за разрешением нужно обращаться к Брауну. Ей уже не терпелось, чтобы он ушёл; она ему и так слишком много сказала, не потому, подумал он, что она что-то скрывает от него, а потому, что это действительно всё, что она знала. Может, она просто получала удовольствие от того, что относилась к обычным вещам, как к некому секрету. Он получил от неё адрес Брауна и ушёл, чтобы с радостью снова окунуться в сгущавшиеся сумерки и холод.

Утки улетели. Солнце тоже зашло, убывающий свет окрашивал всё в оттенки бледно-лилового и темно-серо-синего цвета, а остатки света поблёскивали на воде как сильно потёртый металл. На висячем мосту Альберта движение грохотало и рычало. По реке прошёл паровой катер, сверкая своими огнями как соблазнительными намёками в наступающей темноте.

На следующий день он наведёлся к Брауну в его аккуратненький домик на берегу реки почти у самого ботанического сада Кью на западе Лондона. Это был грузный мужчина до сорока, не очень интеллигентного вида.

Да, мистер Химпл регулярно присылал ему письма. Да, Химпл и «новый человек» оставались на месяц в местечке Хинон; да, они уехали оттуда раньше запланированного срока, прибыли в Париж, а оттуда на Юг; да, мистер Химпл писал, что уволил нового человека и снял виллу с прислугой. Нет, он не был уверен, что знает, где расположена вилла; ему сообщили только адрес «до востребования». Но мистер Химпл и оттуда съехал, направившись в Италию инкогнито, потому что там толпы английских туристов, как он выразился. Он планировал провести зиму во Флоренции, где у него много знакомых. Он выслал в Лондон четыре картины – Это то, что художники называют наброски маслом, сэр. Мистер Химпл решил «обновить свой стиль». Звучало так, будто Браун цитировал одно из писем Химпла.

Когда Химпл планирует вернуться? Браун этого не знал, – не знаю, сэр, это вызывает небольшое недоумение, но мистер Химпл, в конце концов, художник.

А тот новый человек?

Уехал (Показалось, что Браун облегчённо вздохнул). Да он никогда и не планировался, как постоянное прибавление к домочадцам. (Говоря это, Браун тщательно скрывал своё удовлетворение). Его звали Артур Крам. Да, он был молод. Худой, такой, сэр. Да, лицо на картине без бороды может быть его. Да, он полагал, что новый человек Крам позировал в качестве Лазаря. Однако, Браун ничего не знал про сестру, ни нового человека, ни Лазаря. Он редко бывал в студии, когда мистер Химпл писал картины, редко видел модели. Нет, ему очень жаль, но посетить студию в отсутствие мистера нельзя. Искусство неприкосновенно.

– Что вы думаете об этом новом человеке – Краме?

– Это не моё дело – думать о нём что-либо. Флегматичное, мясистое лицо Брауна сразу стало скрытным. – У меня очень хорошая должность у мистера Химпла, сэр. И в его отсутствие мне продолжают платить жалование. Я не хочу давать никакого повода мистеру Химплу – подумать обо мне хуже.

– Но этот Крам, как вы сказали, был уволен. И ваше мнение о нём сейчас уже ничего не значит. А у вас точно есть своё мнение о нём?

– Да, сэр. Браун беспокойно поёжился. Он прочистил горло, и его прорвало:

– Выскочка. Он был выскочкой с претензиями, сэр. Между нами, сэр, он не владел своим ремеслом. Браун продолжил почти воодушевлённо. – Я почти девять лет был ливрейным лакеем, прежде чем меня допустили просто раскладывать одежду своего работодателя. А этот Крам ничего подобного не делал. Браун сидел в небольшом кресле. Он рассматривал свои большие руки, а потом снова резко взорвался:

– Он и по-английски то не мог правильно разговаривать, сэр! Он был – э – э... Он был человеком очень низкого сорта, сэр. Мистер Никто из Ниоткуда.

– А почему тогда мистер Химпл нанял его?

– Не знаю, не могу вам это сказать, сэр.

– Между ними было что-то личное?

Браун смотрел на него молча. Похоже, его беспокойство усилилось: это означало – сказать что-нибудь по этому поводу, означало бы рисковать потерять своё место.

Мортон спросил:

– Вы знаете, как познакомились Крам и мистер Химпл?

– Крам был натурщиком, сэр. Как я уже говорил, он позировал в качестве Лазаря. Полагаю, что именно так он попал в поле зрения мистера Химпла.

– Он что-нибудь знал о живописи? Сам он был художником?

– Думаю, он знал, что такое студия художника, сэр – я имею в виду, что он мог ухаживать за кистями, и он знал, как наносить лак и растирать краски. Грубая работа в студии. Браун фыркнул. – Едва ли назовёшь его художником. Подозреваю, никакого представления о живописи, хотя я никогда не заводил с ним беседы на эту тему. Он как бы снова закончил говорить и вдруг неожиданно продолжил. – Он был ниже меня, сэр! Я ничего общего не хотел с ним иметь. Думаю, мистер Химпл это понимал. И если бы не его умение говорить по-французски, я уверен, даже мысли бы не было нанимать его. Мистер Химпл дал мне это чётко понять, когда решил продолжать выплачивать мне жалование в своё отсутствие, и назначил меня приглядывать за студией. Крам был всего лишь временщиком.

– Обладал ли Крам некой властью над мистером Химплом?

Брови Брауна сдвинулись; на его лице появилось выражение боли, почти болезненности. – Я уверен, что ничего об этом не знаю, сэр.

Не добившись ничего определённого Мортон, решил завтра навеститься в полицию.

- Что-то здесь не чисто, Пансо.
- Не моя компетенция. Пропавшие лица – дело Гиллама.
- Гиллам бы просто проигнорировал меня, и вы это знаете. Вам не кажется всё это странным?
- Странность— это не преступление.
- Художник рисует девушку, которая пропала. Мужчина, который на неё похож, может быть её брат, позирует тому же художнику, затем уезжает с ним в качестве его слуги на Континент, сразу, после того, как она пишет мне письмо и исчезает. Тот художник и тот мужчина вместе путешествуют, а затем художник сообщает, что уволили его. И теперь у нас есть исчезнувшая девушка и её исчезнувший брат.
- А с чего вы решили, что он исчез? Это означает, что вы просто не можете его найти. А это не одно и то же.
- Я спрашивал про Артура Крама в Слейде. У пары подруг сестры. Попросил кое-кого посмотреть в «Келлиз»⁸. Никакого Артура Крама.
- Вы, что, предполагаете, что член КА взял его с собой на Континент и там убил? Оставьте это для вашего нового романа.
- Пансо, вас также трудно сдвинуть, как слона.
- Да и занят я гораздо больше его. Хотите, дам совет?
- Нет.
- У нас и так полно преступлений кроме тех, что выдумываете. Оставьте это.
- Я не могу оставить это. Я думал, что сумею; оно опять вернулось.
- Пансо поднял голову от бумаг. – А где вы взяли её рисунок?
- Подвернулся.
- Что ж, удобно. Он вернулся к работе – продолжал быстро писать что-то по машинописному тексту. – Вы слышали, что доктора прислали отчёт по вашему приятелю Джарролду?
- Мой приятель Джарролд – бог мой!
- Служба Гиллама переправила его в магистрат – «склонен к безвредным детским фантазиям, но есть улучшение». Врачи предложили продолжить то, уж не знаю, что они там с ним делают, и сохранение выдвинутых обвинений. Гиллам рекомендует миссис Мельбур, чтобы она согласилась. Он поднял голову. – Разве она вам не говорила об этом?
- Я ее какое-то время не видел.
- Ммм. Наверное, вам бы надо встретиться. Все лучше, чем носиться без толку с пропавшими людьми. Он начал было снова склоняться к своей работе, но поднял голову и сказал:
- Как бы то ни было, после отчёта врачей по Джарролду они сняли с вас наблюдение. Вы теперь сами по себе.
- Когда он встретился с ней пару дней спустя, то спросил:
- А что ты не сказала мне, что у тебя есть новости по Джарролду?.
- Я тебя не видела.
- Могла бы послать одну из своих телеграмм.
- Я не считала, что это важно.
- Это важно для меня. Джарролд одурачил их. Если они на самом деле считают, что за этим лунообразным лицом⁹ стоит «безобидная детская фантазия, их следует лишить лицензии на практику или чего там делают с такими врачами.
- Их отчёт вполне позитивный. Он «успокоился». Они дают ему хлорал¹⁰ на ночь, и он спит спокойно. Он перестал слоняться в темноте, и спит всю ночь. Богиня Астарта ушла из его жизни.
- Он их обводит вокруг пальца.
- Может, богиня Астарта удрала вместе с Артуром Крамом?

– Если Артур Крам вообще где-то существует.

– Не говоря уже о богине Астарте. Они сидели у него в гостиной. За окном было холодно и ветрено; слабый зимний солнечный свет вырисовывал грязноватые узоры на оконных стёклах. На ней был уже другой костюм, на этот раз из плотной шерсти ржаво-красного цвета; она сняла жакет, под которым была гладкая белая блуза с галстуком мужского стиля. Она сказала, что может Пансо и прав и про Кэтрин Джонсон, и про Артура Крама. Много шума из ничего вокруг обоих.

– То я думаю, что дело Джонсон яйца выеденного не стоит, то склоняюсь к противоположному, и почти уверен, что на самом деле что-то случилось. Эти совпадения – рисунок, Химпл, Крам, поехавший с ним. Он стукнул по обитому вельветом подлокотнику кресла и вверх взлетели пылинки. – Маленькие рисунки, эти ремарки – а что, если они значат что-то, если это некий код – Огастес Джон и домохозяйка, они оба узнали на одном из них Лазаря, так что с этим рисунком всё ясно. Если это она его нарисовала, то это относится к человеку, который нарисовал её голову, к Химплу. А вот другой...

– Ты сказал, что никто не узнал, что на нём.

– Это дверной проём, всего лишь дверной проём. Он вытянул ноги и одной из них коснулся её маленьких ботиночек. – Корвуд выглядел странным, когда рассматривал его, но и он сказал, что ничего в нём не узнал. Нет, он так не сказал – он только сказал что-то о... – что же он сказал? Что он очень маленький и трудно что-либо разглядеть, или что-то в этом роде. Но выглядел он при этом странно.

– Спроси его снова.

– Мне не хочется его беспокоить. Он в неважном состоянии.

– Как и ты.

Он хмуро посмотрел на неё. Что означало, что он не считает, что своё разочарование было сравнимо с отчаянием Корвуда. Она покраснела.

– Как бы то ни было, не нравится мне отчёт врачей по Джарролду. А на основании его полиция убрала с меня своих соглядатаев. Черт бы их побрал.

Следующим днём, когда он завершил работу, он прошёлся до Олбани. Ему доставило удовольствие написать ниже последнего абзаца: «конец», подчеркнув его затем. Он перенёс из своей головы на бумагу целую книгу и теперь ждал, когда машинистка напечатает последние страницы, заберёт их, потом в кровать, перечитает, внесёт поправки и отнесёт книгу издателем. Огромная разрядка напряжения.

Дверь открыл сам Корвуд. На вопрос, где Дженкс, он просто покачал головой. Корвуд был не брит; он был в том же халате, и всё с тем же шерстяным шарфом на шее. В квартире пахло бензоином, так что он на самом деле мог быть болен. После нескольких минут разговоров ни о чём, Мортон выдержал паузу и спросил:

– Помните рисунок, который я вам показывал?

– Рисунок?

– Да, молодой женщины.

– А, ну да, конечно.

– Там по углам были крохотные рисунки.

– Не помню.

– Мне показалось, что вы узнали один из них. Корвуд никак не среагировал. Мортон достал фотокопию и протянул её ему. Корвуд помедлил, потом взял её.

– Слева внизу.

Корвуд посмотрел на него, но начал говорить ещё до того, как взглянул. «Боюсь, что он для меня ничего не значит.

– Мало света. Был бы вам признателен, если бы вы взглянули на него там, где посветлее. Мортон протянул ему складную лупу, которую специально захватил с собой.

Корвуд подошёл с рисунком к окну. Рядом с ним на стене висела миниатюра Грейгарс; он чуть не вытер её плечом, когда наклонился к окну. Свет был бесцветный, но яркий. Мортон поднялся и встал рядом с ним. – Узнаете его?

– Нет – нет. Уголок рисунка дрожал.

Мортон произнёс: – Это очень важно. Он что-то означает. Помните, вы хотели помочь мне найти эту молодую даму?

Корвуд обошёл его, вернулся в комнату и сел на довольно неряшливый диванчик, на котором сидел до того; он наклонился вперёд и положил рисунок на сиденье кресла Мортон, затем уронил голову на пальцы своей руки и уставился на окрашенный охрой ковёр. Затем произнёс: – Я не знаю, что мне делать.

– Вы что-то говорили, чтобы уехать куда-нибудь.

Потерев пальцами лоб, он продолжил. – На том маленьком рисунке изображена дверь в фешенебельном районе Мейфер. Место это называется Бани Мейфлауэр. Его глаза были закрыты. Он продолжал потирать лоб. – Меня привели туда, когда я был ещё школьником. Я не знал ничего – друг моего отца привёл меня туда. Это было только раз, клянусь. Я не... Он перестал тереть лоб, затем надавил большим и указательным пальцами на глаза. – Это место такого характера, вы понимаете меня?

– Кого вы имеете в виду – женщин или мужчин?

– Мужчин, конечно же, мужчин, Боже праведный – каких женщин! Он отбросился спиной назад, глаза его были всё ещё закрыты. – Мне было так стыдно. Мне и сегодня всё ещё стыдно. А мужчина, который взял меня с собой, был другом отца, я верил ему, но, оглядываясь назад, я вспоминаю, что он нечто подобное говорил, делал всякие там намёки.

– Вы были мальчиком.

– Мне было семнадцать. И я уже достаточно знал. В школе – всегда об этом что-то говорят. Не буду утверждать, что я был невинным. Он выпрямился. – Но это случилось всего один раз!

– Вы уверены в том, что изображено на этом рисунке?

Корвуд хмыкнул. – Ошибиться невозможно. Я неоднократно проходил через этот проем перед войной, когда после ужина часто навещал один дом. Не мог смотреть на него без содрогания. Он сглотнул. – Я научился не смотреть на него. И рассмеялся.

Мортон ещё побыл какое-то время там, болтая о том, о сём, но, покинув Корвуда, он знал, что чувствует тот себя гораздо хуже, а не лучше. Он захотел с кем-то обсудить это, но Таис была у своего адвоката; с Фрэнком такое лучше не обсуждать. Что бы означало то, что Кэтрин Джонсон нарисовала на своём портрете дверь в место для свиданий мужчин? Может, она знала что-то про Эразма Химпла и тем самым представляла угрозу? Или узнала что-то от своего брата, который затем уехал на Континент с Химплом? И делает ли это Химпла тем человеком, который, как она боялась, может причинить ей зло?

Он вошёл в Кафе Роял со стороны Регент Стрит и проследовал в Зал Домино. Он надеялся встретить там Фрэнка Харриса, но было ещё слишком рано. Не оказалось там и Огастеса Джона; к тому времени он, должно быть, был уже на пути в Ливерпуль. Он сел, не снимая пальто и шляпу, выпил кофе с молоком и попытался всё обдумать. Получалось как белка в колесе – крутилось одно и то же, слишком много предположений и слишком мало фактов.

Сразу после шести, в его поле зрения шаркающей походкой прошла одна фигура сомнительной репутации.

– Крослэнд!

– Крослэнд ещё не было пятидесяти, но выглядел он старше, неряшливые волосы окружали морщинистое лицо с мешками под глазами. На нём было неподходящее длинное широкое пальто, как мантия фокусника, с карманами снаружи и внутри. Из них торчали листки бумаги. На голове у него было то, что когда-то называлось шёлковым цилиндром. По его жилету,

не гармонизировавшему ни с чем, на нём надетом, как капельки свечи прошлась дорожка яичного желтка. Крослэнд считался наёмным журналистом-подёнщиком, искусным полемистом и торговцем информацией; он гордился, что может легко состряпать пышущий огнём памфлет от имени обеих сторон предмета обсуждения.

– Минутка найдётся?

– Купите мне выпить?

Мортон сделал знак официанту. Крослэнд, никогда не бывавший в стельку пьяным, был всегда к этому близок, от него разило пивом – это всегда свидетельствовало, что он уже поднабрался, его предпочтительным напитком был бренди, а снизу и вокруг него разносился запах мокрой шерсти и простокваши.

– Мне нужна кое-какая информация.

– Это будет вам стоить.

Мортон бросил на стол шиллинг. – Бани Мейфлауэр.

– Ха! Это будет стоить вам дороже.

Мортон вытащил ещё один шиллинг.

– Увеличьте до полкроны¹¹. Дорогая часть города. Когда сверху стопки монет появился шестипенсовик, Крослэнд снял шляпу, провёл левой рукой по своим грязным волосам и положил шляпу на стол. К этому времени появился стакан с бренди; он немного от него отпил. Стакан Мортон был пустой; Крослэнд показал на деньги и спросил:

– Купить вам выпивку?

– Нет, спасибо.

– Как знаете. Бани Мейфлауэр. Ну, да. Скромное местечко для джентльменов определённого вкуса для поисков молоденьких мальчиков, если вы понимаете, о чём я. Да? В своё время было таковым каждый вечер после семи – днём там было всё по-другому, турецкие бани для дам и всякое такое, – а вот вечером, там начиналось совсем другое представление. Известно, что Оскар Уайльд захаживал туда. Ему нравилось всё садистское. Он снова отпил. – Сейчас место накрылось, если вы подумываете наведаться туда.

– Накрылось? – Мортон подумал, что Бани разрушили, сегодня Лондон поглощает старые здания так, будто это кусочки печенья.

– Его закрыли. Копы провели там облаву. После суда над Оскаром*, Бани дали слово, что они полностью прекратили практику взаимоотношений взрослых мужчин с мальчиками. Мне сказали, что это было сущей правдой. Может быть, какое-то время. Они потом начали снова, по вечерам во вторник и субботу. В остальные дни работали как обычно. Всё чинно-благородно. Но по вторникам и субботам после семи, если они знали вас и раньше, всё возвращалось как прежде. Сам я там никогда не был, но понимаю так, что это местечко было похоже на Смитфилдский рынок¹². Пристрастия не проходят, если вы меня понимаете.

Стакан его опустел. Мортон заказал ещё один, но Крослэнд настоял на том, что за него он заплатит сам. – Уверены, что сами ничего не выпьете? Всегда нравилось быть гостеприимным. Есть такой у меня недостаток. Ну, да ладно. Полиция устроила там облаву прошлым летом, может, чтобы это послужило уроком. В сеть попались некоторые занимающие очень хорошие посты люди. В газеты это так и не попало, не считая статьи типа «Закрытие целой эпохи в Мейфэр», как бы давая знать так называемым клиентам-покровителям – кот из мешка выпущен. Я сам чего-то такое тоже написал, вроде, «Мемуары Бань Мейфлауэр, нечто такое невинное, как девичьи мечты, но что могло бы принести капитал по случаю – издатели искали материал, который бы пощекотал нервы. Дюжина парней села в тюрьму по обвинениям, ещё пара джентльменов помельче – были обвинены в публичном совершении непристойных действий, что-то вроде того, ничего серьёзного – и на этом дело закрылось.

Владелец получил срок за угрозу нравственности. Как мне сказали, заведение собираются открыть заново под названием терапевтическое «Спа для дам». Ну, да, конечно, новое имя.

– А вы знаете имена арестованных?

– Арестованных, да. Задержанных, нет. Поговаривают, что копы замели человек тридцать, но большинство из них были отпущены перед дверьми суда магистратов. Говорят, среди них той ночью было несколько запятнанных рисовальщиков. Если назовёте имена, может и вспомню.

– Химпл? Крам?

Крослэнд покачал головой. – Химпл, это художник, что ли? О нём постоянно какие-то слухи. Что-нибудь знаете про него, что бы мне могло пригодиться?

Мортон покачал головой. – Когда точно была облава?

Крослэнд поднял палец. Он начал обеими руками шарить по карманам, роясь пальцами в беспорядочных кучах бумаг; наконец, он достал небольшой чёрный блокнот. Начал его пролистывать. Страницы были как влажная кожа, толстые и мягкие из-за частого использования. – Седьмого августа.

– В этот день провели облаву?

– В этот вечер. Копы появились у двери в девять сорок пять, седьмого августа.

Мортон достал ещё шиллинг. – Заслуживает каждого пенса.

За день до того, как Кэтрин Джонсон написала своё письмо. И за два дня до того, как Эразм Химпл уехал на Континент. Когда он вернулся домой, там его ждала записка от Таис Мельбур: – Уезжаю ненадолго. Рут Касл будет знать, как связаться со мной. Он вспыхнул и выругался, потом посмотрел на себя как бы со стороны, взрослый человек, а приступ гнева как у ребёнка. У неё есть право делать то, что захочет. Трудно признаться самому себе в этом и сказать, что так и есть, и всё-таки ему пришлось это сделать: иногда, глядя на неё, он ловил её отсутствующий взгляд, и он понимал, что в этот момент она где-то в своих потаённых уголках, куда он никогда не будет допущен. У него они тоже были, некие раковины души, наполненные неизбежными печалью существования, и большей частью закрытые для остальных. Но было больно от того, что она уехала, чтобы избежать его, а он был уверен, что именно поэтому. И эта чёртова Рут Касл, от которой его прилично тошнило и которую он видеть не хотел. По крайней мере, не сейчас. Может это и не потому, что нужно было дописывать книгу, может, нужно было сконцентрироваться на чём-то ещё. Может, спустя несколько дней. Может, Таис Мельбур и на самом деле быстро вернётся. Может быть, он скомкал записку в кулаке.

– Вы говорите по-французски?

Его реакция отставала на одну шестнадцатую, так, будто он думал ещё о чём-то другом. – Немного.

– Хочу съездить во Францию на несколько дней. Мне нужен переводчик.

Снова, ответ последовал не сразу, похоже на проблеск возможного подозрения, воспоминания о Баях Мейфлауэр: что Мортон ему предлагает? Скулы Корвуда немного покраснели. Мортон его успокоил: – Это связано с той девушкой, которая написала мне письмо. Вы ведь говорили, что хотели бы попытаться ей помочь.

– Во Франции?

– Её брат... И он быстро рассказал ему про Эразма Химпла.

– Ничего не понимаю.

– Я тоже, пока. Что-то случилось в Нормандии. Предполагалось, что зиму они проведут там, но через месяц они упаковали вещи и уехали на юг Франции. Потом Химпл уволил его. Думаю, что это началось там, в Нормандии. Возможно, «размолвка любовников». Он присмат-

ривал за Корвудом. На щеках молодого человека у скул проступили белые пятна. – Может, вам будет полезно уехать ненадолго. По-новому взглянуть на вещи.

– Я бы не осмелился взять с собой Дженкса.

– Ни вам, ни мне нет нужды брать кого-то с собой. Мы, может, пробудем там всего день и через пару дней уже вернёмся. Это будет мало похоже на проживание в «Ритце»¹³.

– Мой французский ужасно проржавел.

– Ржавчина – всё-таки лучше, чем отсутствие металла вовсе. Я бы вообще «лез в бутылку» и орал бы на них.

Мортон настоял, чтобы они поехали уже на следующий день; он не сказал ему, что после завершения книги им сейчас владеет «послеродовая» депрессия.

Корвуд сначала колебался, затем его охватило почти маниакальное состояние, он шаркался от оцепления до крайнего возбуждения. В конце концов, он решил, что будет готов через час. Можно будет сесть на ночной паром. Случится, ведь, могло что угодно.

Мортон купил два билета на утренний поезд и на паром до Гавра. Когда Мортон ему сказал, что уезжает, тот сделал гримасу, но не просил взять и его с собой. Более того, он дал понять, что даже на спор не поедет. – Я уже напутешествовался, спасибо-вам-большое. Меня вполне устроит старый добрый ростбиф в Англии.

– Ты имеешь в виду, что у тебя есть другие планы. Как там с кинематографом?

– Скорее всего, послезавтра мы начинаем съёмку «Битвы при Ледисмит»¹⁴, но это не имеет ничего общего со мной и Францией.

– Как там горничная?

– Маленькое несносное одноклеточное, вот кто она теперь. Мой приятель с кинокамерой, решил теперь, что он на неё «запал». Отвратительно. Он забрал поднос, на котором был ужин Мортон, чтобы вернуть его в кафе «Агнец Божий». – Я могу найти вам кого-нибудь в агентстве для этой поездки, если уж вам так надо сопровождающее обслуживающее лицо.

– Хоть мне и ненавистно обижать твои чувства, мне никто не нужен.

– Верится с трудом.

– Большую часть своей жизни, я прожил без кого-либо, кто бы прибирал за мной.

– Это было тогда, генерал. Времена меняются. Фрэнк впялился на него циничным взглядом. – Вы остановитесь в приличном отеле?

– Там нет отелей. Там что-то типа деревенской таверны.

– Ну, тогда. Наденьте старый коричневый твидовый костюм. Эти французики всё равно ничего в этом не понимают.

После этой перепалки Мортон не решился позволить Фрэнку собрать его вещи. Он достал из гардероба несколько потёртый саквояж с обитыми краями, положил туда пару рубашек и воротничков и комплект шерстяного нижнего белья – приближался декабрь – и пару чулков и осмотрел комнату, подумывая, всё ли он взял. Да, конечно, ещё фланелевую ночную сорочку. Что ещё может ему понадобиться?

Он решил также взять пластыри – ожидается много ходьбы – и нашёл один в своём рабочем столе, он припомнил, что где-то у него был маленький кожаный несессер с пластырями, очень полезная вещь, потому что в комплекте были и ножницы. Где ж он может быть?

Слева внизу в столе был ящичек, которым он практически не пользовался, но куда складывал вещи, которые ему наверняка больше не понадобятся, но выкидывать которые было жалко. Он взялся за медную рукоятку ящичка и потянул на себя с усилием, тот, почему-то, всегда открывался с трудом. К его удивлению, в этот раз он буквально выпрыгнул назад на него. Он наклонился, разглядывая кучу ненужных предметов, среди которых он рылся. Ближе к днищу нашлась маленькая коробочка, в которой он обнаружил комплект пластырей. Ниже коробочки был только – или должен быть только – пистолет, такой же старый, как и Кольт Нейви, – модель Галланд 450 одноименного известного немецкого конструктора с хитроумным приспособ-

сблещением под стволом, которое позволяло стволу и барабану отодвигаться вперёд для перезарядки. Пистолет был большой и тяжёлый; он приобрёл его за несколько шиллингов у приятеля Фрэнка, который оказался «в денежных затруднениях». Какое-то время он использовал его как пресс-папье, а потом зашвырнул в ящик.

Сейчас его там точно не было. Он понял, почему ящик в этот раз так легко открылся – масса железа не давила на направляющие.

Он ещё раз осмотрел содержимое ящика, потом и всего стола.

– Джарролд, – произнёс он вслух. Пансо спрашивал его, не украл ли Джарролд какой-нибудь из его пистолетов, и он ответил, что нет. Он совсем забыл про это громоздкое старое оружие.

– Чёрт возьми!

Он написал записку Пансо и попросил Фрэнка отправить её по почте с самого утра. Когда он сообщил Фрэнку о пропавшем пистолете, тот только и сказал:

– Ну, надо же.

Глава 3

Постоялый дом в Хиноне оказался ещё хуже, того, что английские друзья Мортон называли ночлежкой. Внизу было кафе; а на втором этаже находились несколько комнат, в которых, как он узнал позже, отсыпались деревенские пьянчужки. Но это, однако, случалось только по вечерам в субботу, в середине же недели комнаты пустовали – неотапливаемые, грязные, почти голые. В комнате, которую им показали – «лучшая комната» – была номинально двухспальная железная кровать, крашенная и покоребившаяся, с провалившимся посередине матрасом. Простыня была заштопана в полудюжине мест, а затем от этой затеи и вовсе отказались, так что самые последние дырки так и остались не зашитыми. Добавьте к этому подсвечник и умывальник с жестяной крышкой – вот и всё «убранство» комнаты. До туалета нужно было добираться, спустившись в конце коридора на первый этаж по изношенной некрашеной лестнице, выйдя на улицу и пройдя по двору через кучи лошадиного навоза. Там был длинный металлический писсуар и одна кабинка с покрытыми мыльным камнем полом и стенами, и дыркой в полу для испражнений.

– Могло быть и хуже, – пробормотал Корвуд. – Семья хозяина живёт здесь, и всё время пользуется этим же туалетом.

– Да, чертовски опасное местечко для пьяных, – произнёс Мортон. И всё-таки, чувствовал он себя вполне бодро и настроение, испорченное отъездом Таис Мельбур, улучшилось благодаря предпринятым действиям.

Месье владелец говорит, что он затаскивает пьянчужек в комнаты, когда они уже не в состоянии стоять на ногах, но они спускаются, чтобы воспользоваться туалетом и в конечном итоге засыпают в куче навоза.

Да, после такого начинаешь понимать, почему они уезжают в город. Вы в состоянии терпеть это?

Корвуд фыркнул. Цвет его лица стал здоровее, а глаза живее. – В армии я видел несравнимо худшее. Мортон сказал ему, чтобы он настоял на двух комнатах, но это было невозможно. Только одна была прибрана (как что? – подумал Мортон) и мадам не хотела подниматься наверх, чтобы подготовить вторую. Мортон потребовал, чтобы хотя бы одеял было больше и это ему удалось, но нести их наверх ему пришлось самому, он устроил на полу подобие лежанки, на которой мог спать Корвуд. – Не хочу скатываться к середине кровати, чтобы обнаружить, что вы уже там – объяснил он. Корвуд выглядел вполне удовлетворённым, но в полуночной темноте выругался, зажёл свечу и лёг просто на пол. На лежанке было полно клопов.

– Это было ужасно, – сказал Корвуд на следующее утро. Они проснулись с рассветом и отсутствовали, сколько смогли, гуляя по улицам деревни. – Я весь искусан.

– На полу, наверное, было не лучше?

– Да, они переместились со мной вместе с одеялом. Я подумал, что и к вам могли попасть несколько.

– Не так уж много. Для человека, который был съеден живьём, вы выглядите довольно бодро.

Корвуд покраснел. – Всё равно хорошо было уехать куда-нибудь, даже к клопам. Он был весьма молчалив, хотя вместе они провели уже день и ночь, наверное, сожалел о своём признании, которое сделал ранее.

В кафе они съели чёрствы́е булочки с маленькими колечками масла и кофе с молоком. В кафе начали заходить деревенские мужики и разглядывали их.

– Похоже, на нас можно что-то заработать.

– Они ничего не покупают. Месье постоянно гонит их прочь.

Деревенские выглядели неинтересными. Дородные, с красными лицами, это были в основном сельскохозяйственные рабочие или мелкие фермеры и их руки свидетельствовали о том, чем они занимаются. Мортон подумал, что вряд ли они были где-нибудь дальше десяти миль от деревни. У половины на лице было выражение большой хитрости, у остальных – огромной глупости. – Я видывал людей, выглядящих получше даже в четвёртом классе парохода для иммигрантов, – произнёс он.

– Иммигранты, это те, у кого хватило ума уехать.

Они арендовали трясущуюся однолошадную бричку, чтобы найти место, где останавливались Химпл и Крам. Мортон спросил владельца кафе, но тот ответил, что ничего не знает об «английских милордах». Корвуд выразил предположение, что тот ничего не знает, потому что Химпл у него не останавливался.

– Он, должно быть, увидел, что из себя представляют комнаты.

Лошадь оказалась на удивление резва и рысью возила по немощёным дорогам бричку, из-под колёс которой в стороны разлетались шматки грязи после недавно прошедшего дождя. На каждой ферме, на каждом перекрёстке, где им попадались люди, Корвуд спрашивал об английском милорде, который рисовал, и повсюду, экспрессивно жестикулируя, им давали невразумительные объяснения, которые, как понял Мортон, Корвуд понимал только частично. Он сам неоднократно повторял для себя фразу милорд, который рисовал, которая для него звучала как «миилор, кот рис овал», пока не научился её произносить. И даже сам попытался сказать её женщине, стоявшей у плетёной изгороди и смотревшей на них, проезжающих мимо; ответ её был многоречивый и совершенно не понятный.

– Думаю, лучше вам задавать вопросы – сказал Мортон.

– Так всегда происходит – вы составляете в уме вопрос, а ответ возвращается к вам как вывернутый наружу зонтик в сильный ветер. Я не стану притворяться, что понимаю всё, что они говорят. Бричкой управлял Корвуд, и пальцы его умело держали вожжи. Он постукивал ими по крупу лошади. – Местный акцент просто ужасный.

– У вас неплохо получается.

День стоял холодный, но было сухо. Слабый солнечный свет согревал их спины; по голубому небу мазками побелки тянулись редкие облака, а ряды тополей вдоль дороги медленно помахивали своими верхушками на ветру, как неуверенные танцоры. Корвуд сказал, что сюда приезжает много художников. Мортон спросил его, почему.

– Здесь очень живописно.

– Что это значит?

– Ну, знаете – много старых церквей и предметов, крестьяне в причудливых костюмах – всякое такое.

Мортон не считал, что крестьяне выглядели необычно. Мужчины носили короткие пиджаки, вроде тех, которые он видел на вечеринке с Твен Джон; женщины носили кружевные шапочки, а некоторые белые воротнички необъятных размеров. Это и есть причудливость? И почему нужно рисовать причудливость? «Я думаю, что художник скорее захочет нарисовать что-то обычное. Из реального мира.

– А это что, разве не реальный мир?

– Реальные клопы и реальные крестьяне. Но клопов они не рисуют, а крестьяне у них выглядят совершенно не похожими на человекообразных обезьян, каковыми они выглядят в действительности. Не понимаю этого.

– Говорят, что свет здесь ужасно хорош, – пробормотал Корвуд. – И климат. На него это похоже, размышлял Мортон, говорить о том, что говорят, нежели о том, что он сам думает. Чем дольше они были вместе, тем поверхностнее Корвуд останавливался на предмете любого разговора.

– Я не для этого проделал этот не ближний путь.

Корвуд рассмеялся. – Трудно представить, чтобы французский художник отправился в Лондон порисовать.

– Я видел, как рисовали Лондон. Лондон – это реально. А вот это...

– Считается, что побережье здесь весьма эффектное. Казалось, что Корвуд защищает это место, куда они приехали. – Знаете, а это, ведь, те люди, из которых французы отправили соотечественников на поселение в Канаду. Некоторые из них стали героями поэмы «Евангелина» вашего поэта Лонгфеллоу.

Мортон прекрасно знал, кто такой Лонгфеллоу, и имел представление, о чем была поэма «Евангелина». Он поправил, – Это было не в Канаде.

– Нет, знаю, это был ваш штат Луизиана. Мы, британцы, отправили их туда после победы в какой-то войне.

Мортон подумал о парнях из Луизианы в концлагере в конце Гражданской войны. Одетые в тряпье, невнятно мямлящие, они казались ему неотёсанными и враждебными, но набожными и обуянными какой-то животной злостью, которая даже после поражения представляла собой опасность – сержант называл их «законченными ненавистниками», и говорили они с таким акцентом, что он не мог их понять. Он попытался увидеть их в тех крестьянах, мимо которых они проезжали, но общего между ними, как он полагал, была только замкнутость и подозрительность, никак не принадлежность к французской нации. – Не думаю, чтобы Луизиана пошла им на пользу.

Они нашли ферму во второй половине дня, когда солнце уже не грело и становилось холоднее. Большое стадо возвращалось с полей, за ним тащились ещё несколько животных, покачиваясь туда-сюда, как бы не желая терять из вида основное стадо, пока оно не скрылось в группе дубов. Местность, отмеченная сплошными посадками вдоль дороги, канавами и двумя рядами тополей по обеим сторонам дороги выглядела в основном угловатой и неприветливой, строгость линии которой прерывалась вдалеке шпилем церкви. Справа от них, в стороне от побережья, земля постепенно поднималась вверх; и на самом верху силуэтами виднелись удалённый дом и большой амбар. В воздухе пахло морем.

Слева стояли фермерские постройки: каменный дом, конюшня, и два каменных амбара – огораживали внутренний двор, они почувствовали резкий запах мочи и навоза, ещё не доехав до них. Самого фермера, если он был вообще, видно не было; женщина, подошедшая к двери дома, была грузной и настороженной. На ней был широкий белый воротник и кружевная шляпка, и Мортон подумал, что выглядела она не более необычной, чем лондонский извозчик. Корвуд быстро заговорил с ней – слова «миилор, кот рис овал» звучали часто, а она отошла в тень дверного проёма, будто пытаясь там спрятаться. У неё была привычка смотреть по сторонам через уголки своих глаз. Её рот был неподвижным и недовольным. Он предположил, что её любимым словом было, нет.

– Она сказала, что «миилор, кот рис овал» жил недалеко отсюда, но я с трудом вытягиваю из неё детали.

– Спросите её, было ли два человека.

Протараторив ещё, он сказал:

– Она хочет знать кто мы такие.

– Скажи ей, что мы оба «миилоры» и ищем молодого человека, который был с «миилором, кот рис овал».

Поговорив с ней ещё, Корвуд сказал:

– Я сказал ей, что молодой человек ваш сын.

– Вот тебе раз!

– Должен же я был что-то ей сказать. Она думает, что мы из таможни. Здесь полно контрабанды.

Мортон осмотрел окружавший их скучный пейзаж. – Скажите ей, что мой сын убежал из дома, и я пытаюсь найти его, потому что сердце её матери убито горем.

Корвуд заговорил на французском, она ответила. А по-английски он перевёл, – Эта женщина совсем не сентиментальна.

– Ей наплевать на убитую горем мать?

– Её волнуют только свои коровы.

– Дайте ей немного денег.

Они простояли там ещё несколько минут. Несмотря на своё длинное пальто Мортон начал дрожать. Поднялся ветер, делая воздух ещё холоднее. Их препирательство продолжалось ещё какое-то время, пока большой краснолицый человек не провёл мимо них стадо дойных коров, которые проследовали в загон для скота. Мортон увидел размешанную копытами грязь и вспомнил чикагские боины. Когда мужчина вернулся, он подтолкнул женщину в дом и закрыл дверь, сказав при этом что-то по-французски так агрессивно, что даже Мортон понял, он спрашивает, какого черта им.

Дальше вопросы и ответы звучали кратко. – Да, «миилор, кот рис овал» был там, не здесь – и большая рука с ладонью как огромный шмат говядины указала на стоявший позади вдалеке дом и амбар. Да, там был ещё мужчина. Да, да, они уехали. А какое это имеет для них значение – посмотреть, где они останавливались? Стало понятно и без перевода, что ему всё равно, кто они такие, если они заплатят деньги.

– Скажите ему, да, мы заплатим деньги, чтобы посмотреть, где они останавливались. Скажите ему, что мы заплатим ему и за ночлег сегодня, если место чистое и без клопов.

Что-то в сказанном вызвало взрыв возмущения у краснолицего. Корвуд сказал:

– Он понял так, что мы допускаем, что у них не чисто. Он говорит, что они чисты как ангелы.

Расскажите ему про прошлую ночь.

Корвуд начал говорить, потом закатал рукав и показал укусы на себе. Фермер разразился громким смехом, обнажив ужасные зубы, и неожиданно стал столь же добродушным, сколь неприветливым был только что. Он похлопал Корвуда по плечу. Для него это показалось таким смешным, что он пошёл внутрь дома рассказать жене.

– Он сказал, что поставит лошадь в конюшню, что-то там подправит в повозке, я не понял что именно. За ночь он хочет с нас сумасшедшую сумму – за такие деньги я бы смог остановиться в Браунс¹⁵ в Лондоне, но... Он огляделся по сторонам окружавшей их суровости, уже накрываемой темнотой.

– Беднякам не приходится выбирать.

– Едва ли назовёшь нас бедняками.

Им каждому выделили по комнате с выложенной на полу плиткой и пуховым стёганным одеялом на кровати. Сверху крепились отёсанные вручную дубовые балки. Большой кувшин с водой, таз, ночной горшок, подсвечник. В большом крашенном гардеробе, которому от роду могло быть как год, так и пятьсот лет, висела чья-то одежда, как мужская, так и женская. Ни освещения, ни отопления.

Теперь о еде.

Раздражительная хозяйка совершенно очевидно привыкла готовить еду для дюжины прожорливых людей; двумя больше ничего не меняло. Они сели за огромный стол, на одном конце которого уселся краснолицый фермер, на другом пустовал стул – женщина не села только тогда, пока они почти не закончили есть. Между ними на лавках по обеим сторонам были ещё три молодых парня и две женщины. Корвуд сел в конце одной из лавок, Мортон – напротив него. Ещё три молоденькие девушки, почти девочки, помогали несчастной женщине подавать еду, которая, если и не была необычной, то оказалась по-настоящему свежей, обильной и очень вкусной: одно блюдо было рагу из свежего цыплёнка с бобами и свиной; ещё одно – как

он понял, дикий кролик в тёмной подливке; кусок шуки, которая, когда её поймали, целиком весила никак не меньше пяти килограмм; домашнее сладковатое масло, домашний горшечный сыр; нечто тёмное, похожее на пудинг, приготовленное, как он предположил, из свернувшейся крови; фасоль, цикорий салат и картофель величиной с шар для крикета; три буханки хлеба из муки грубого помола, которые испекли сегодня днём, и странный, в сравнении с остальным, этакий немецкий штрих – подслащённый хлеб с джемом из крыжовника. Начали они с супа, который сам по себе мог заменить целый ужин, густой, из сушёного гороха, с большим количеством моркови и лука, приправленный розмарином. После супа начали появляться и другие упомянутые блюда, каждое из которых, как полагал Мортон, будет последним. Перед ним стояли стаканы с пивом и вином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.